

Интервью с Матвеем Бурлаковым ("Коммерсантъ-Власть", № 12, 2005 г.)

«Власть» продолжает серию интервью с людьми, которые в годы перестройки формировали внешнюю политику СССР. Генерал-полковник **Матвей Бурлаков** рассказал корреспонденту **Марине Калашниковой**, как группировки советских войск выводились из Европы.

Матвей Бурлаков родился 19 августа 1935 года в Улан-Удэ. В 1954 году закончил Омское военное училище им. М. В. Фрунзе, затем командовал взводом и ротой в Группе советских войск в Германии. В 1967 году закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, затем служил заместителем командира полка в Печенге, командиром полка в Ленинградской области, в 1973-1975 годах — командиром дивизии в Архангельской области. С 1975 по 1977 год обучался в Академии Генштаба. В 1977-1979 годах — командир корпуса в Кутаиси, в 1979-1981 годах — командарм в Улан-Удэ, в 1981-1983 годах — командарм в Монголии. С 1983 по 1988 год — начальник штаба Забайкальского округа в Чите. В мае 1988 года назначен главнокомандующим Южной группой войск (ЮГВ). В течение двух лет выводил советские войска из Венгрии. 14 декабря 1990 года принял командование Западной группой войск (ЗГВ), которую ликвидировал к августу 1994 года. В 1994-1995 годах — замминистра обороны. В настоящее время на пенсии. На общественных началах возглавляет Союз ветеранов ЗГВ.

— **Когда вы поняли, что холодная война проиграна?** — Когда мы подписали документы о выводе войск из Европы. Я сразу подумал, что это конец.

— **В СССР существовала концепция упреждающего удара. Мы были готовы при росте напряженности начать первыми?** -- Конечно. А что, ждать, когда они нас ударят?

— **Шло к этому дело?** — Пик холодной войны был в начале 1980-х. Оставалось дать сигнал — и все бы ринулось. Все боеготово, снаряды в танках, осталось в ствол засунуть — и вперед. Все бы сожгли, все бы разрушили там у них. Военные объекты я имею в виду — не города. Я часто встречался с председателем военного комитета НАТО Клаусом Науманном. Он меня как-то спрашивает: «Я видел планы армии ГДР, которые вы утверждали. Почему вы не начали наступление?» Мы пытались эти планы собрать, но кто-то утаил, снял копии. И Науманн согласился с нашим расчетом, что мы должны быть на Ла-Манше в течение недели. Я говорю: «Мы же не агрессоры, зачем мы пойдём на вас? Мы всегда ждали, что вы первые начнете». Так объясняли им. Мы же не можем сказать, что мы первые должны были начать.

— **Так к войне в начале 1980-х готовились?** — Не просто готовились, а были готовы! Маршал Огарков создавал четыре стратегических направления для руководства наступательной войной. Западное было в польской Легнице, а потом в Смоленске, юго-западное — в Кишиневе, в Баку было южное, в Улан-Удэ — дальневосточное, китайское. Венгрия (Южная группировка) входила в одно направление с Киевским и Одесским округами. Мы должны были громить юг Европы, в том числе Италию. В Генштабе есть эти планы. Эти образцы когда-то могут понадобиться, там все продумано, хотя надо уточнять.

— **Применение ядерного оружия планировалось?** — Конечно.

— **Мы бы первыми ударили?** — Конечно.

— **Министр иностранных дел Громыко повторял, что СССР не будет применять ядерное оружие первым.** — Он-то сказал одно, а у военных были другие мысли. Нам-то надо отвечать за войну.

— **Разве не политическое руководство за это отвечает?** — Политическое руководство — Горбачев и другие — предало Союз. Их в Америке купили.

— **Как купили? Не в карман же взятку дали.** — Не в карман. Но купили. Горбачев стал первый немец в Европе. Всегда было ощущение, что подталкивает нас не сам Горбачев или Шеварднадзе, а немцы или американцы. Я Горбачева слышал на пленуме и удивлялся. Его

чем-то питали. Выступают против него с такой критикой, что он должен или провалиться сквозь землю, или что-то ответить. Принесут ему стакан питья типа чая с молоком, он выпьет — как будто ничего не было! Он абсолютно ни на что не реагировал, гнул свое. Он же верховный главнокомандующий, как и Ельцин потом. Хотя какой из них верховный? Но все под Сталина работали...

— **Сколько войск было под вашим командованием в Венгрии?** — Я пришел в ЮГВ в 1988 году и два года ее выводил. Одна дивизия до меня ушла, у меня остались три дивизии, это в пределах 120 тысяч человек. Небольшая группировка.

— **Стояли поначалу какие-то оперативные задачи?** — ЮГВ представляла собой 2-й Западный фронт. ЗГВ — 1-й Западный фронт. В мой фронт входила также Центральная группа войск в Чехословакии и часть Прикарпатского округа. Моя боевая задача была наступать в южном направлении. Я должен был идти по югу Германии и на Италию. Альпы меня разрезали, и я шел бы двумя группировками.

— **Говорят, мы дошли бы до Парижа за неделю.** — Запросто. У нас в ЗГВ танков было море — три танковых армии! А у немцев же как? В пятницу заканчивается рабочий день — и дальше никого не найдешь, ни министра, ни солдат. Остается только караул. Пока бы они очухались, мы бы сожгли все танки, подорвали склады. Тут вопросов не было.

— **Как складывалась тогда обстановка в Венгрии?** — К власти у них пришли демократы, в основном вузовские. Президентом стал бывший завкафедрой, премьером и министром обороны — профессора. В октябре-ноябре 1988 года в Будапеште состоялось совещание стран ОВД. Одно из решений было о выводе войск. Мне объявили об этом министр обороны Язов и командующий объединенными силами ОВД Лушев. Как они там отбивались — я не могу сказать. Даже, говорят, первый секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Кадар был против вывода. Но к власти уже пришли демократы, движение началось под руководством нашего Горбачева. Директива на вывод от Язова пришла мне в ноябре-декабре 1988 года.

— **Запад развернул пропаганду против военных?** — Развернул. Венгры расклеили плакаты: затылок с фуражкой и с надписью: «Товарищи, уходите». Мы тогда сделали красивого солдата, улыбающегося такого, на танке. Написали: «Остаемся друзьями». И как повесили — им стыдно стало.

— **Какие были трудности при выводе?** — Южную группу было легко выводить. Советский Союз еще был. Рядом — наша Украина, Россия, до границы довели, за границей — дома. Солдаты, конечно, рвались домой. Служить в Союзе было легче, чем в Венгрии. Мы их из городков практически не выпускали. На экскурсию съездит в Будапешт — и опять в казарму. Распустить мы их не могли. Венгров боялись, да и наши солдаты могли начудить что-нибудь. «А в это время спокойно иду ядерные боеприпасы».

— **Как возникла идея бросить вас на ЗГВ?** — Меня назначали, когда сняли главкома Снеткова. Там была неприятность: к американцам сбежал командир одного полка с секретным изделием — зенитной ракетой «Стрела». Главкома сняли с должности, двух членов военного совета тоже сняли. Я как раз приехал в Москву на пленум ЦК. В перерыв вышли с Язовым в коридор, он меня подвел к Горбачеву, тот спрашивает: «А сколько стоит вся недвижимость в Германии?» Ему кто-то назвал сумму 30 млрд марок. «Ну ладно, ты давай, езжай туда и наладь хороший контакт с западногерманским руководством. Старайся, чтобы население не было против нашего вывода, чтобы мы их там не беспокоили». Ну и опять-таки говорит: «Не продешеви насчет недвижимости». А потом записали, что реализацией недвижимости СССР занимается минфин ФРГ.

— **Где записали?** — В соглашении, которое подписали Шеварднадзе и Геншер. Мы должны все подготовить, их Минфину отдать, он будет продавать. Кому он будет продавать? Себе? Они мне сразу сказали: «Господин главнокомандующий, у нас с вами нулевой вариант!» Конечно, поляки — нулевой, венгры — нулевой, а они что — дурнее?

— **Может, они посчитали экологический ущерб?** — Ущерб как такового не было. Я выделил 800 машин и 20 тысяч человек, которые два года занимались приведением в порядок складов

ГСМ, полигонов и так далее. Геншер как-то просит разрешения съездить на магдебургский полигон. Это — самый большой полигон в мире. Он приехал в Магдебург и звонит моему первому заму: «Может ли главком нам дать вертолет?» Я ответил, что это нежелательно. Не дай бог, что-то случится, меня потом расстреляют. Но Геншер уговорил, сказал, что претензий иметь не будет. Приехали с ним медики, экологи, всего человек тридцать. Они весь полигон проехали, пролетели и сделали вывод, что в Германии это самое чистое место. Там остались кузнечики, которых на других полях вытравили химией, у нас там травы, которых в Германии уже давно нет. И бундесвер, и Магдебургская земля давай бороться. Бундесвер хочет сделать полигон, а правительство земли — зону отдыха. Как уж они там сделали — не знаю. Знаю только, что сейчас половину земли бундесвер использует. Ну не стреляют, а ведут компьютерные войны в компьютерных классах.

— **С химией ясно. Что было с ядерным оружием?** — 5 мая 1991 года я собрал пресс-конференцию и сказал, что мы ядерные боеприпасы вывезли, хотя у нас еще немножко оставалось. Мы их вывезли так, что никто не узнал. Мусор вывозили с охраной — там немцы шпионили. А в это время спокойно идут ядерные боеприпасы. Боеприпасов было много, десяток эшелонов.

— **Сколько человек было в ЗГВ?** — Всего было у меня 546 200 человек. Немцы начали нам платить марки. Я получал как ефрейтор западногерманской армии — 2000 марок, а так в среднем получали 1000 марок. Но на это было значительно легче жить и что-то скопить, чем в то время в России. Поэтому морально, конечно, идти в Россию было тяжело. Тем более что развалился Союз. Украинец говорит: «Я хочу на Украину». А его полк, батальон идет на Дальний Восток. Я собрал командиров и сказал: «Наша задача такая. Мы — союзный организм, не делимся на республики. Выходим по плану. Вывел — а уж потом иди на Украину».

— **Какое было моральное состояние в войсках?** — Обстановка была терпимая. Были, конечно, и те, кто бежал, особенно специалисты. Мы освобождали городки, и немцы организовали в них пункты сбора. Собирали русских, арабов, эфиопов, кого придется. Через полгода — к тому времени сотни полторы удрало у нас — я собрал разведчиков и говорю: «Вам задача: пробраться в эти пункты, найти наших людей, заснять их на пленку». Через полтора месяца они вернулись с фильмом о том, как живут в этих пунктах сбора. Мы его прокрутили, и люди начали понимать. Они думали, что их ждут и все дадут. А платили 400 марок — как безработным. Офицер-то, может, что-то расскажет, хотя никаких секретов уже и не было. Ау солдата ни специальности, ни мыслей в голове.

— **Сколько всего было дезертиров?** - Около 300.

— **Не было опасений, что домой вернется неконтролируемая толпа?** — Нет. Мы до последнего солдата выходили организованно. Хотя под конец возникла трудность. Берлинскую бригаду я готовил к показательному выходу. Обратился к Грачеву: «Дайте мне 1000 человек русских ребят ростом 185 см и выше». Послал я офицеров в европейскую часть во все области, подобрали 1100. Увидел — они 185 см роста и 50 кг весом. На них мундиры висят. Спрашиваю у своего зама: «Сколько у нас свиней осталось?» Когда я принимал группу, у нас было 44 тысячи свиней. Он говорит, что осталось 280. Приказываю, чтобы завтра все были здесь. Командиру бригады говорю: «Питаешься четыре раза в день. Каждый день — строевая подготовка три часа, два физдо обеда, потом обед, час отдыха, встали — по куску сала, хлеба, чай с сахаром». Проходит февраль, март — движения никакого. Уже и свиней съели. Я говорю: «Давай все консервы сюда». Весь НЗ, что был, все скормил. К маю комбриг докладывает: «Товарищ главком, начали рваться мундиры». Я построил, посмотрел, ребята красивые становятся. Нарядили их красиво. Они хорошо выступали.

А в 1992 году было принято решение увольнять солдат через 18 месяцев. У меня уволилось сразу 92 тысячи человек. Остались танки без солдат, зенитки без солдат. Я обратился к Грачеву: «Дай мне людей, хоть 20-30 тысяч человек». Он ответил: «Ни одного не дадим». Я тогда звоню министру обороны Узбекистана — давно знал его по комсомолу. Говорю: «Слушай, Ахмет, ты хочешь армию подготовить? Тысяч 10 дашь мне, я их начну как армию готовить». Он обратился к Каримову. Каримов говорит: «А что — давай!» Я 7 тысяч узбеков привожу к себе. Поставили на вышки их, чтобы хоть кто-то стоял на посту.

— **Как вели себя все это время немцы?** — Шпионили за мной. Может, только в спальне не шпионили. Однажды ко мне приехал замначальника ГРУ. Предложил проехать до Дрездена. Давай, говорит, я тебе покажу, что делается. Впереди садится полковник, знающий немецкий язык. Включает аппаратуру и слушает, что говорят немцы: «Главком проехал туда-то, я отстаю, а ты бери на себя». И так они три или четыре раза меняли машину. Потом по рации что-то про вертолет передали. Смотрим — сзади немецкий вертолет идет.

— **А сколько денег на вывод группы дали немцы?** — Немцы перевели на содержание группы 3 млрд. и на транспорт 1 млрд. марок. Еще 8 млрд. — на строительство жилья и переобучение офицеров. Правда, те 3 млрд. они дали как беспроцентный кредит Горбачеву, и мы их не видели.

— **Так откуда вы получили деньги?** — В феврале 1991 года мы получили 500 млн. марок от финансовой службы Министерства обороны. В марте звонят эти финансисты из Москвы: «Больше денег не получишь». Я возмутился: «А как же мы будем жить?» Какие-то расчеты до меня делались, что нам на содержание группы надо 6 млрд. Ответ был: «Выкручивайся, как хочешь». Я собрал всех своих и объяснил: «Вот такая обстановка. Мы должны сейчас экономить на всем». Раньше мы покупали картошку в магазинах у немцев кормить солдат. Ну а теперь — все: картошку берем в поле, морковку в поле. А немецкие деньги мы получали из Дойче Банка на наш групповой счет. Через него нас питала Германия. И я даже так сэкономил эти немецкие деньги на содержание, что 530 млн. увез еще в Москву.

— **Мелькала сумма 30-40 млрд. марок, которые якобы были готовы заплатить немцы.** — Когда разговор с ними шел, они удивились, что мы так быстро выходим. Например, премьер земли Бранденбург Штольпе говорил: «Мы никогда не думали, что вы согласитесь на мизерную плату в 12 млрд. и на мизерный срок»

— **Как вы пережили ГКЧП?** — В мае или июне 1991 года прилетает Янаев в Бонн. Язов меня предупредил, что он хочет со мной поговорить. В нашем посольстве в приемной, где я его ждал, работал телевизор, выступал Горбачев. Заходит Янаев, уже выпивший, увидел Горбачева, обругал его матом. Сели за стол, еще по рюмке выпили. Никакого вопроса, разговора. Может, пьяный совсем. Сел на машину — уехал. Зачем вызывал?

— **Так все-таки зачем?** — Я думаю, что он хотел выяснить, какую сторону во время ГКЧП мы возьмем. Свое мнение о Горбачеве он выразил. А нас-то не спрашивал. Ни я, ни посол ничего о Горбачеве не говорили. Утром 19 августа в 6 часов звонит дежурный и сообщает, что всем приказано быть у телевизоров в кабинетах. Узнаю о ГКЧП, получаю команду о повышенной готовности. Но тут я приказал: «Никаких повышенных готовностей, пока я командую. Не трогай». Дозвонился до Язова часа через два. Говорю, что получил такую команду. Он отвечает: «Ты — опытный человек, знаешь, что тебе делать». Я отвечаю, что все равно ни на что влиять не могу.

— **А что же немцы?** — Они подумали, что Бурлаков может развязать войну. 20 августа утром один политик — Штольпе — напрашивается ко мне на встречу. Я говорю: «Передайте, что я в отпуске». Приглашаю его на 21 августа. Мне передают, что он по просьбе президента Вайцзеккера. Мы встретились, он спрашивает: «Как вы реагируете на ГКЧП?» Я ответил: «Никак. Мы вот здесь свои дела делаем». — «И вы не будете никак действовать?» Отвечаю: «Нет. А что вы думаете — сел на танк и пошел на Москву?» Успокоились. Хотя вокруг городков — море полицейских, журналистов. У нас по плану был выезд во 2-ю танковую армию, проверить, как идет подготовка к выводу. 200 человек поехало в части. Я сам самолетом полетел. Звонит Лобов, начальник Генштаба. Требуется вернуть на место всех людей. МИД его заколебал — немцы докладывают, что Бурлаков пошел готовить танки для наступления. Мы и сами думали: у ГКЧП было все — армия, КГБ, МВД. Казалось бы, что им стоило — схватить того же Горбачева, запереть его в каталажку, и пусть страна развивается. Но у руля ставить Янаева было нельзя. Он страшный алкаш.

— **Когда вас впервые навестил Ельцин?** — В ноябре 1991 года. Ездил представляться в Европу и Германию. И оттуда заехал ко мне. Мы уже стали российские войска, понимаешь. Хорошо выступил. Потом хорошо выпил. Я ему говорю: «Надо закрепить наши объекты в

Германии — у нас, к примеру, 47 аэродромов, чтобы туда по крайней мере не садились натовские самолеты».

— **А Ельцин что?** — Да ну, Ельцин!

— **Какой основной вывод из всей этой операции?** — Темп вывода должен быть равен темпу обустройства. Построили городок — выводите туда. Когда выводили в Союз, шли по территории Белоруссии, Украины, там войска рассосались быстро. Там была инфраструктура, военные городки. А как идти в Мурманскую область, в Кандалакшу, где такой мороз? У меня в гостях был французский главком. У него в Германии было всего 50 тысяч человек. Я спрашиваю: «Когда у вас срок окончания вывода?» Он удивился: «Какой срок? Как Франция будет готова принять войска — так и будет срок». У них военных городков нет. Офицеры зарплату получают, снимают квартиру, покупают дома. Я уж не знаю, когда они вышли, но позже нас.

28 МАРТА 2005

"КОММЕРСАНТЪ-ВЛАСТЬ"
